

ВЕЧНЫЕ ОБРАЗЫ

Э.М. Спирова

ВЛИЯНИЕ ГЁЛЬДЕРЛИНА НА ТВОРЧЕСТВО ГЕГЕЛЯ

Аннотация. *Немецкий поэт Фридрих Гёльдерлин (1770–1843) был хорошо знаком с Гегелем. Существует хорошо обоснованное мнение о том, что поэт оказал влияние на философа, существенно подкорректировав его метафизические взгляды. Это мнение поддерживается и тем, что Гёльдерлин в своем творчестве был весьма философичен. Особенно его привлекали идеи античных философов. Это отразилось, в частности, в драме «Эмпедокл» и в целом ряде собственно лирических стихотворений. Эллада была для поэта не только эпохой величайшей культуры, но также и предметом восхваления, метафизического, поэтического осмысления. Поэтому она казалась ему земными раем, и он описывал её в духе пантеизма. Философский пафос Гёльдерлина обнаружился также и в саркастической критике немецкой обыденщины, филистерства. Гегель испытывал к поэту большую симпатию.*

Опираясь на исторический метод, автор пытается осуществить феноменологическую реконструкцию отношений между поэтом и философом. Используются не только документы, но применяется также приём допустимого воображения, позволяющий домыслить смысл их встреч и дружеских отношений.

Новизна подхода состоит в том, что автору кажется несомненным не только влияние поэта на философа, на динамику его философских взглядов. Гегель тоже сумел зажечь сердце поэта философскими темами, которые нашли отражение в его творчестве. Такой ракурс темы рассматривается впервые.

Ключевые слова: философия, поэзия, система, идеи, фантазии, метафизика, платонизм, красота, эстетика, литература.

Сказалось ли влияние немецкого поэта Гёльдерлина на философское творчество Гегеля? Когда Гегель решал вопрос о том, кто из мыслителей повлиял на его творчество, он в первую очередь называл те философские системы, которые предшествовали его трудам. Духовную связь с Гёльдерлином Гегель несправедливо отнес к периферии, полагая, что она относится скорее к предыстории их духовного возмужания. Трудность проблемы состоит в том, что само влияние поэта вовсе не сводилось к тому, что он внёс в творчество Гегеля определённые философские идеи. Однако только сочетание того, что было получено от Гёльдерлина, позволило философу создать свою систему. Основные тезисы философии Гегеля одновременно близки и противоположны взглядам Гёльдерлина.

Собственно философские идеи самого поэта нет необходимости недооценивать. Они достаточно оригинальны. Сознание эпохи не выражает себя в полной мере в одной преобладающей философской системе. Существенную роль здесь могут сыграть

и разнообразные «притоки» мысли. Таким «притоком» по сравнению с эмпиризмом и метафизикой XVIII в. стала философия «всеединого», которая восходила к платоновским источникам. Основная тема этой философии — высшее желание человека. Именно в рамках этой философии Гёльдерлин сформулировал свою жизненную проблему, сумел критически переосмыслить идеи Фихте и направил Гегеля на новый путь.

Тема размышлений Гёльдерлина — конфликт любви и личности — восходит к Шёфтсбери, Гердеру, Шиллеру. Любовь и личность представляются для Гёльдерлина двумя главными жизненными тенденциями, полярными и законными, нераздельными и трудно соединимыми. Принцип пантеизма получает у Гёльдерлина особую форму: любовь становится метапринципом соединения противоположных человеческих стремлений. Эта задача разрешима только через конфликт, любовь как сила проявляется в движении между противоположностями, между «стремлением к безусловному» и «уклонением от самоотдачи».

Немецкий философ В. Дильтей, анализируя гимны, собранные поэтом в сборнике под названием «Песни ночи», называл это издание венцом последней эпохи Гёльдерлина. В сборнике раскрылась судьба великого поэта, которая вела его поэтическое развитие к окончательному освобождению внутреннего ритма чувств от стихотворных метрических форм. Последний шаг в своей эволюции поэт сделал уже на пороге провала сознания. Припадки чередовались с моментами просветления. Они становились всё более продолжительными и частыми, пока наконец поэт не впал в безумие. Когда поэт погрузился в хляби бессознательного, сумерки окончательно сгустились. Боги обрели колоссальные размеры и эксцентричность. Станным и неожиданным стал и язык поэта. В нём болезненность сочеталась с просветлением и чувством нового стиля лирического гения. Об этом можно судить по стихотворению «Половина жизни», поразительно напоминающему краски Винсента Ван-Гога.

*От желтых груш пятниста
И в розах утопает
Земля в океане.
Вы, лебеди милые,
Пьяны поцелуями,
Головы окунаете
В воду священноразумную.
Горе мне, где я возьму, когда
Зима наступит, цветы и где -
Солнечный свет
И тени земные?
Стены стоят
Безмолвны и холодны, и на ветру
Знамен дребезжанье.*

Главным для Гёльдерлина становится исследование связующей противоположных жизненных тенденций. Поиск единого источника выводил Гёльдерлина за рамки кантовского способа мышления, фиксирующего антиномии. Проблема решалась сначала с помощью Платона, позднее — посредством критической переработки философии Фихте, поскольку Фихте стремился понять сознание, а Гёльдерлин — любовь. «Приковывая внимание к необычным состояниям души, романтики углубили представление о внутренней жизни человека вообще»¹.

¹ Гуревич П.С. Романтический идеал человека // Философия и культура. 2011. № 10(46). С. 5.

Во Франкфурте среда Гегеля — другая, чем в Берне. В Берне Гегель был оторван от общения с друзьями и коллегами. Во Франкфурт он переехал именно благодаря Гёльдерлину, который тоже хотел, чтобы Гегель был ближе к кружку его друзей. Гегель во Франкфурте, как и в Берне, вынужден стать домашним учителем. На этот раз он учителем в семье купца Гогеля. Франкфуртский период интересен тем, что Гегель по-прежнему находится на перепутье: ещё не вырос в философа, известного в Германии; ещё не написал ничего такого, чем сам был бы удовлетворен. Можно сказать, что это тоже был период идейных, духовных поисков. В мире умонастроений Гегеля и Гёльдерлина было много общего. Гегель высоко ценил Гёльдерлина за то, что тот был буквально погружен в мир красоты. Вот он, этот гимн Красоты.

*Не поклялся ль я, о Муза,
В том, что до загробных врат
Будут неразрывны узы
Нашего с тобой союза?
Не смеялся ль мне твой взгляд?
И теперь я воспаряю,
К звёздам свой стремлю полет,
Чтоб достигнуть тех высот,
Где, вовек не увядая,
Для певца венок цветёт.*

*Там, где гул земли стихает,
Сферы ясны и чисты...
Там улыбкой нас встречает
За служенье награждает
Первообраз Красоты.
Я увижу там — о сладость! —
Ту, кто всё животворя
И сия, как заря,
Нас манит, победы радость
Дерзновенному даря.*

*Истинное вдохновенье
Пьет свободная душа;
Все страданья и мученья
Растворились в упоенье.
День восходит, тьму круша.
И когда нас всех разбудит
Трубный глас и рухнет ось,
Что пронзает мир насквозь,
Красоты сиянье будет
Литься так же, как лилось.*

*О пресветлая царица,
Ты пришла — и ожил прах.
К ликованью приобщиться
Хочет скорбь, взлетев как птица
На трепещущих крылах.
Ты развеяла печали,
Уняла, взглянув едва,
Распря, что в веках жива;
К совершенству ближе стали
Все земные существа.*

*С юных лет твоё дыханье
Чуял я и на земле.
Уст божественных лобзанье
Знаком высшего признанья
На моём горит челе.
Душу чистую дитяти
Завораживал порой
Аркадийский облик твой,
Хоть ещё ей был невнятен
Смысл заветных встреч с тобой.*

*Матерь всей природы вещей!
Часто в поисках тропы
К счастью вечному ведущей,
Зрел я на лугу иль в куще
Чистый след твоей стопы.
Видя ельник над горою,
Ключ, прозрачный, как кристалл,
Или озеро меж скал,
Возвышался я душою
И блаженство обретал.*

*Дай же мне, богиня, силы,
Кротким оком посмотри!
И для песни образ милый
Недоступной Антифилы
Гимнотворцу подари.
Путь к тебе свершая трудный,
О Урания, твой лик
Я узнал, когда возник
Образ Антифилы чудной
Предо мной в блаженный миг.*

*Чу! Ты слышишь песнопенья?
То — дары твоих жрецов;
То — сынов твоих творенья;
То свершает воспаренье
Дух, свободный от оков.
О, дарите нам восторги
Вдохновенья, сыновья,*

*Звуки дивные лия!
Как вином священных оргий,
Упиваюсь ими я.*

*Тайной силою владея,
Службой жреческой горды,
Вы всевластны, чудодеи,
И вокруг вас цветут пышнее
Элизейские сады.
Бремя угнетённых братий
Облегчает пусть ваш глас!
Пусть клянут тираны вас!
Не узнает благодати
Льстец, что в роскоши погряз.*

*Добрые приносят всходы
Вашей веры семена:
Дух мой взвился в край свободы,
Где над ним не властны годы,
Где всегда цветёт весна.
И узрел я здесь — о сладость! —
Ту, кто, всё животворя
И сияя, как заря,
Нас манит, победы радость
Дерзновенному даря.*

*Братья! Жертвенное пламя
Вами в душах возжено;
Благородными делами
И святой любви слезами
Пусть питается оно!
Не насильем утверждает
Сей престол права свои;
Не гремит здесь глас судьи, -
Мать нас кротко поучает,
К нам исполнена любви:*

*«О творцы, удел ваш сладок:
Вы запечатлеть должны
Гармонический порядок
Форм, исполненных загадок, -
Образы моей страны.
Сын мне тот, в кого я с проком
Заронила свой посев;
Чья душа, ко мне взлетев,
Грезит только о высоком,
Алчность низкую презрев.*

*То, что в царстве принужденья
Исполнять закон велит,
Здесь приносит наслажденье,*

*Зрея, словно плод под сенью
Сада нежных Гесперид.
Слуги жалкие Закона
Платы требуют за труд, -
Но, земных не зная пут,
Сыновья мои исконно
Вдохновением живут.*

*Их мечты ко мне влекутся,
Чистые, как гимн певца,
Как мелодии, что льются
В сферах звёздных эволюций
Без начала и конца.
Роза счастья расцветает!
Стёрлись горестей следы!
Пожинает дух плоды:
Вам природа раскрывает
Элизийские сады!».*

Беседы Гегеля с Гёльдерлином повлияли на резкое изменение позиции Гегеля, который прибыл во Франкфурт убежденным последователем Канта. Кантианская позиция Гегеля помогла ему сохранить критическую дистанцию и достаточно самобытно вступить в концептуальную область философии «всеединого». Однако главное понятие — было всё же заимствовано Гегелем. Из этого принятия любви в качестве основного изучаемого понятия система Гегеля развивалась без заминки. Тема «любви» была затем заменена более богатой структурой «жизни» и позднее «духа».

В конце концов Гегель интерпретировал все структуры, которые Гёльдерлин понимал в терминах исходного бытия, как способы взаимоотношений между соединенными вещами. Концепция противоположностей претерпела изменения. Отношения в структуре противоположности должны быть поняты со ссылкой на целокупность, и эта целостность не предшествует им как «бытие». Она только развитое понятие самого отношения. И сходная позиция Гегеля — категория «бытия» берется в противоположном смысле по отношению к исходной точке Гёльдерлина. Критической ревизии подвергаются у Гегеля проблема соотношения конечного и бесконечного, а также — истолкования смысла развитие. Развитие заключается не в разделении, распаде изначального единства, а в «определении» развития более определённого из неопределённого.

Гегель впоследствии считал, что центральным был критический ответ Шеллингу. Обсуждая фило-

софские контрверзы между Гегелем и Шеллингом, нельзя упускать из виду, что по целому ряду пунктов, в которых обнаруживается противоположность их взглядов, не сохранилось ни документов, ни высказываний самого Гегеля. Речь идет не о случайных пробелах в наших материалах, но о принципиальном методологическом различии между тем, как Гегель полемизирует с субъективным идеализмом Канта, Якоби и Фихте, и тем, как он позднее критикует философию Шеллинга. Борьба с субъективным идеализмом была универсальной, она была движима общими проблемами построения философии и охватывала вполне конкретные, частные вопросы философии морали, социальной философии и философии права. В критике же Шеллинга Гегель, напротив, даже в своих частных заметках касается лишь центральных проблем философской методологии.

Многие исследователи писали о духовной близости поэта и философа. Часто отмечали, например, что в период их встречи Гёльдерлин уже был идейно зрелым мыслителем, с явным философским уклоном. Но и в творчестве он также достиг в это время значительных высот. Это было важно для Гегеля, который чтит поэта и хорошо знал его творчество. Современники поэта считали, что лишь одно произведение Гёльдерлина «Гиперион»² может дать основание для разработки особой разновидности эстетики — элегической. Предполагалось даже, что это будет самая замечательная из всех элегий³.

Немецкий романтик Й. Гёррес посвятил «Гипериону» отдельную заметку. Он писал: «Кого хоть раз в жизни возмущала порочность века и подлость выдрессированной человеческой породы, носящей ярмо на шее, кто поражался глубине падения, когда наследники богов пасутся среди животных полевых, обратив лицо свое к земле, всегда к земле, и, выщипывая себе самое скудное пропитание, кто когда-либо чувствовал, как гнетёт, как давит его душу непостижимое смятение умов, когда весь человеческий род блуждает, колеблясь из стороны в сторону, не находя дороги, словно поражённый куриной слепотой, и, возбуждаемый собственной жестокой извращённостью, подхватывается жарким и ядовитым дыханием гневного рока, который

² Гёльдерлин Ф. Гиперион, или Отшельник в Греции / пер. с нем. и коммент. К. Джорджанели. Тбилиси: Мерани, 1982. 217 с.

³ Эстетика немецких романтиков: сборник / сост., пер. с нем., вступ. ст. и коммент. А.В. Михайлова. М.: Искусство, 1987. С. 443.

швыряет его из стороны в сторону в бешеном смерче, воющей буре, так что он бешено крутится, подстегиваемый бичом, изводит сам себя, а стоит ему замереть на месте, против собственного желания остановиться на минуту, чтобы передохнуть и почувствовать вкус жизни, как беспощадный ураган снова срывает его с места и увлекает к гибели, словно души проклятых в Дантовом «Аде»...»⁴.

Действительно, сколько же сдерживаемой горечи в этой поэме. Так прекрасный дух, навеки ущербленный, ведет войну с варварами, которые окружают его. Это они гонят орла со сломанными крыльями, преследуют его. А он судорожно бьётся крыльями о землю.

С этими мотивами перекликается и мысль Гегеля о человеке, который наделен состраданием и духовностью. В философии Гегеля «впервые в человеческой истории противоречивость самого человеческого существования осознается как центральная проблема философии», — уточнял тот же автор.

«Дух существует только как единичное действительное сознание», — этот постулат гегелевской философии автоматически распространяет все многочисленные награды, раздаваемые в гегелевской системе абсолютной идее, на человека — вне его она ничто. В этой связи даже не питавший к Гегелю пиетета Р. Гайм признавал приоритетное значение антропологической проблематики в творчестве мыслителя и указывал, что «философия Гегеля возникает из поэтического толчка, из желания построить мир по идеальной схеме». По мнению Гайма, Гегель «хотел восстановить человека из его разрозненного состояния» и именно для этого предпринимал создание своей глобальной системы.

В лекциях по философии истории Гегель дал оценку Французской революции: «...только теперь человек впервые дошел до признания, что мысль должна управлять духовной деятельностью. Это был величественный восход солнца. Все мыслящие существа радостно приветствовали наступление новой эпохи. Возвышенный восторг властвовал в это время, и весь мир проникся энтузиазмом духа, как будто совершилось впервые примирение божественного начала с миром»⁵.

Многие учёные полагали, что интерес Гегеля к человековедению, как и вся его философия в целом, выросли из религиозных исканий мыслителя. Ши-

роко известна концепция Дильтея; в русской философии данной позиции придерживался И.А. Ильин, высказывавший, в частности, идею о том, что гегелевская философия является синтезом двух начал: греческой мысли и христианской любви. Известный западный гегелевед Т. Херинг писал, что принятие духа в гегелевской философии происходит от Евангелия от Иоанна. Херинкс называл гегелевскую философию «высшим мыслительным продуктом в христианстве».

Подобная позиция не лишена оснований. «Задача — внятно объяснить, что значит приблизиться к богу... Царство божие пусть придет, и будем действовать для этого», — эти фразы молодого Гегеля звучат как программные заявления. Известно, сколь серьезное внимание мыслитель, особенно в юношеские годы, уделял религии; да и в период апогея его творчества религия всегда соседствовала на Олимпе знания с философией, с Абсолютным знанием. Гегель много раз говорил, что религия и философия изучают один и тот же предмет, но разными средствами.

Специфика антропология немецкого мыслителя в том, что к проблеме человека он подходит через фундаментальную онтологию. Он не считает правильным и возможным решать основные антропологические проблемы напрямую, простыми дефинициями. Всякий раз выявление антропологических воззрений Гегеля предстаёт как экспликация из целостного концептуального каркаса, созданного мыслителем.

Сущность человека в гегелевской концепции — дух, и эта короткая посылка ведет к весьма развернутым следствиям. Человек бесконечно внутренне глубок и сложен, так же сложен, как сам мир, как сам абсолют. И потому его нельзя объяснить, не объяснив самого мира и абсолюта. В этой связи антропология расширяет свои бесконечные пределы и простирается на всё социально-историческое пространство, на весь смысловой универсум. Антропология превращается в онтологию.

Р.М. Габитова в монографии «Философия немецкого романтизма» исследует развитие немецкой философии на стыке XVIII-XIX вв., которая раскрывала себя в глубоком сотрудничестве с романтической идеологией. Она критически анализирует художественно-мистический пантеизм и философско-историческую концепцию Гёльдерлина⁶.

⁴ Там же. С. 257.

⁵ Цит. по книге: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1931. С. 378.

⁶ Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма. Гёльдерлин, Шлейермахер. М.: Наука, 1989. 159 с.

Исследовательница отмечает близость концепции Гёльдерлина к философским идеям Ж.-Ж. Руссо. Он защищал права человека от деспотизма. Неслучайно в своем «Гимне человечеству» Гёльдерлин в качестве предваряющего эпиграфа ставит слова Руссо из «Общественного договора».

Еще обучаясь в университете, Гёльдерлин завязал дружбу с Гегелем и Шеллингом. Оба эти мыслителя затем сыграли выдающуюся роль в развитии европейской философии. Студенты были зачарованы Французской революцией. Но верность ее идеям до конца жизни сохранил лишь Гёльдерлин. Он энергично борется со страхами, которые распространились в бюргерской среде в связи с неизбежным распространением революционных идей в Германии. Сам он считал, что социальные преобразования в Германии назрели и окажутся весьма полезными. Стремясь успокоить мать, он пишет ей: «Правда, вовсе не исключено, что у нас произойдут перемены. Но, слава богу, мы не принадлежим к числу тех, кого могут лишить каких-либо привилегий или наказать за совершенные насилия и притеснения. Всюду в Германии, где шла эта война, добрый бюргер мало что потерял или почти ничего, зато многое, многое выиграл». Если многие немецкие философы и писатели испугались якобинской диктатуры, то поэт, напротив, считал, что только она может разбить оковы рабства.

*И когда, придя к заветной цели,
Мы пожнем тот вожделенный плод,
И тиранов, правящих доселе,
Сбросит в прах немецкий мой народ,
Если жаром пламени святого
Вспыхнет кровь людей в моем краю,
О тогда, божественная, снова,
Умирая, гимн тебе спою!*
(Пер. Л. Гинзбурга)

Поэт не страшится очистительной мощи революционной стихии.

*Свобода радуется бурям,
Смотри: как боги, юноши глядят!
Ломает сила стены древних тюрем,
Бледнеет коронованный Разврат...
Сильны любовью и величьем Гнева,
Мы всходов дивных сеем семена.
Потомки снимут жатву от посева,
Но нам Бессмертья пальма суждена.*
(Пер. В. Левика)

О философских пристрастиях Гёльдерлина свидетельствует его незавершенная трагедия «Смерть Эмпедокла». Эмпедокл — не придуманная фигура. Это греческий философ V в. до н.э. Жизненный путь этого мыслителя представляется поэту поучительным и трагическим. Его изгоняют из родного города Агригента. Философ борется со жрецом Гермократом, который олицетворяет реакционные взгляды. Эмпедокл ненавидит самовластье, он готов бороться с тиранами. Но тут начинается трагическая завязка. Его изобличают в том, что он страдает гордыней. Эмпедокл настолько очарован величием своего ума, что мнит себя богом и отрекается от природы как источника праведной жизни. За это его начинают преследовать. Трагические последствия ожидают философа. Он осуждает индивидуализм. Он оценивает его как тягчайшее заблуждение и призывает отречься от бездумных традиций и обратиться к коллективным формам совместного бытия.

*Держайте! — Что обрели, что почитали,
Что передали предки вам, отцы:
Закон, обряд, божеств предавших имя,
Забудьте вы...
(Пер. Я. Голосовкера)*

Однако кара со стороны жителей неизбежна. Его изгоняют из родного города. Это наказание в древней Греции было более страшным, нежели смерть. Отпустив на волю своих рабов, Эмпедокл предлагает горожанам самим решать собственные судьбы, а не доверяться владыкам и властолюбцам. Он полагает, что вожделенный коллективизм может устранить пороки современного античного общества: зависть, себялюбие, тщеславие, гордость, покорность.

*Так воздвигайте ваш прекрасный мир!
Тогда друг другу вы подайте руки
И слово дайте и добро делите...
Делите подвиг, славу, и да будет
Один, как все...*

Сам же Эмпедокл выбирает смерть. Он бросается в кратер вулкана Этна. Это не просто акт отречения от жизни. Поступок философа отражает его стремление самому освободиться от тех соблазнов, которые мешают жизни свободных людей.

Поэты-романтики высоко ценили философские идеи Гегеля. Философ сумел зажечь воображение поэта своими философскими мыслями.

Список литературы:

1. Антонова Е.М. Ad libitum: философия и поэзия // NB: Филологические исследования. 2013. № 1. С. 222–242. (URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_63.html).
2. Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма. Гёльдерлин, Шлейермахер. М.: Наука, 1989. 159 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977.
4. Гёльдерлин Ф. Гиперион, или Отшельник в Греции / пер. с нем. и коммент. К. Джорджанели. Тбилиси: Мерани, 1982. 217 с.
5. Гуревич П.С. Прекрасное как категория искусства // Филология: научные исследования. 2012. № 3. С. 3–6.
6. Гуревич П.С. Романтический идеал человека // Философия и культура. 2011. № 10 (46). С. 4–7.
7. Гуревич П.С. Философское толкование человека. М.-СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 472 с.
8. Эстетика немецких романтиков: сборник / сост., пер. с нем., вступ. ст. и коммент. А.В. Михайлова. М.: Искусство, 1987.

References (transliteration):

1. Antonova E.M. Ad libitum: filosofiya i poeziya // NB: Filologicheskie issledovaniya. 2013. № 1. S. 222–242. (URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_63.html).
2. Gabitova R.M. Filosofiya nemetskogo romantizma. Gel'derlin, Shleiermakher. M.: Nauka, 1989. 159 s.
3. Gegel' G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T.
4. Filosofiya dukha. M., 1977. 3. Gel'derlin F. Giperion, ili Otshel'nik v Gretsii / per. s nem. i komment. K. Dzhordzhaneli. Tbilisi: Merani, 1982. 217 s.
5. Gurevich P.S. Prekrasnoe kak kategoriya iskusstva // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2012. № 3. S. 3–6.
6. Gurevich P.S. Romanticheskii ideal cheloveka // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 10 (46). S. 4–7.
7. Gurevich P.S. Filosofskoe tolkovanie cheloveka. M.-SPb: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. 472 s.
8. Estetika nemetskikh romantikov: sbornik / sost., per. s nem., vstup. st. i komment. A.V. Mikhailova. M.: Iskusstvo, 1987.